

Археологические вести

— 27 —

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

К 75-летию Победы

Блокадный дневник Наталии Александровны Энман¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. Статья посвящена неопубликованному дневнику Н. А. Энман. Ученица Б. В. Фармаковского, специалист в области изучения греческой расписной керамики, Н. А. Энман в 1919–1922 гг. работала в РАИМК. В 1938 г. она стала сотрудником Музея С. М. Кирова, где и трудилась во время блокады Ленинграда. Н. А. Энман была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Записи, которые она вела, отражают повседневную жизнь в осажденном городе и могут служить ценным документальным источником о ленинградской блокаде. Дневник хранится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Annotation. This paper is devoted to the unpublished diary by N. A. Enman. A disciple of B. V. Farmakovsky, specialist in the sphere of the Greek painted ceramics, N. A. Enman in 1919–1922 worked in RAIMK. In 1938, she became an assistant of the S. M. Kirov Museum where she was working during the blockade of Leningrad. N. A. Enman was awarded medals 'For the defence of Leningrad' and 'For the valorous work during the Great Patriotic War in 1941–1945'. The records which she made reflect the everyday life in the besieged city and may serve as a valuable documentary source about the Leningrad blockade. The diary is kept in the Central State Archives of Historical and Political Documents in Saint Petersburg.

Ключевые слова: Ленинград, воздушная тревога, продуктовые карточки, огород, прорыв блокады.

Keywords. Leningrad, air-raid warning, food cards, vegetable garden, break of the blockade.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-392-417

К биографии Н. А. Энман

Перед тем как речь пойдет о неопубликованных записях Н. А. Энман, сделанных в блокадном Ленинграде, следует сказать несколько слов о ее жизненном пути, так как об этом написано немного. Наталия Александровна Энман родилась 20 ноября 1889 г. в Петербурге. Ее отцом был историк-антиковед,

доктор всеобщей истории Александр Фёдорович Энман³, происходивший из семьи прибалтийских немцев и получивший образование в Дерптском университете. Там же он защитил магистерскую диссертацию. После окончания университета некоторое время работал за границей, во Франции, Англии и Германии, в 1886 г. защитил докторскую диссертацию. После переезда в Санкт-Петербург

¹ Работа над темой ведется при поддержке РФФИ, конкурс «Древности», грант № 18-09-40116.

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: vakhtina@rambler.ru

³ Более подробно о биографии А. Ф. Энмана см. Брокгауз, Эфрон, 1904. С. 846–847; Ростовцев, 1903. С. 84–87.

Рис. 1. Класс 7-Б (Septima 7B) гимназии Петришуле. Санкт-Петербург, 1906 г. (http://allpetrischule-spb.org/jimages/f/f2/1906-Septima_B_fixed). Н. А. Энман — первая слева в первом ряду

Fig. 1. Class 7-B (Septima 7B) of the Petrischule gymnasium (Saint Peter's School). Saint Petersburg, 1906 (http://allpetrischule-spb.org/images/f/f2/1906-Septima_B_fixed). N. A. Enman is the first left in the first row

А. Ф. Энман занимался научной работой и преподаванием: латыни в гимназии Катериншуле, истории и географии (на немецком языке) в Реформатском училище (Ростовцев, 1903. С. 84). В 1885 г. он был принят на службу во II Отделение Библиотеки Императорской Академии наук «на открывшееся в апреле сего года место младшего помощника библиотекаря» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 682. Л. 4). Мать, Анна Николаевна, в девичестве Юдина, родом из г. Шенкурск Архангельской губернии, до замужества работала домашней учительницей. В 1897 г. Н. А. Энман поступила в подготовительный класс известной петербургской гимназии Петришуле⁴. 1 июля

⁴ Выражаю благодарность Л. Е. Левтову, выпускнику школы Петришуле, одному из главных ее историков, автору проекта виртуального музея школы, за помощь в работе над биографией Н. А. Энман [Электронный ресурс]. URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title_Энман (дата обращения: 25. 04. 2020).

1903 г. А. Ф. Энман скоропостижно скончался в возрасте 48 лет, что, без сомнения, было большой утратой для всей семьи. Н. А. Энман хранила благодарную память о своем отце, гордилась его образованностью и родом занятий⁵. После его смерти основная забота о девочке легла на плечи ее бабушки и тетки по материнской линии⁶.

В 1907 г., окончив с серебряной медалью полный курс (рис. 1) и дополнительный педагогический класс гимназии, Н. А. Энман

⁵ Спустя много лет в осажденном Ленинграде Н. А. Энман будет вспоминать об отце в 40-ю годовщину его кончины, оставив 1 июля 1943 г. подробную запись в дневнике (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396. Л. 202).

⁶ Мать, с 1901 г. страдавшая душевной болезнью, периодически находилась в различных больницах и приютах, в одном из этих учреждений она и скончалась в 1931 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 5).

Рис. 2. Н. А. Энман. Высшие женские (Бестужевские) курсы. Санкт-Петербург, 1910 г. (Руднева, 2007. С. 125)

Fig. 2. N. A. Enman. The higher female (Bestuzhev) classes. Saint Petersburg, 1910

получила диплом домашней учительницы. В том же году она была принята по результатам гимназического аттестата на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов (рис. 2). Ее учителями были Б. В. Фармаковский и Ф. Ф. Зелинский, слушала она и лекции М. И. Ростовцева и других преподавателей. На курсах Наталия Энман познакомилась со Стефанидой Рудневой. Знакомство быстро переросло в дружбу, связывавшую этих незаурядных женщин на протяжении двадцати пяти лет. С. Д. Руднева, как и

Н. А. Энман, занималась изучением античности, позже она оставила научные занятия, выбрав иную стезю, о чем мы скажем далее. В своем архиве она сохранила документы, рассказывающие о ее жизни, семье, друзьях, занятиях, обучении на Бестужевских курсах. Многие из них опубликованы в книге «Воспоминания счастливого человека» (Руднева, 2007). В книге достаточно подробно описаны занятия в Университете, научные увлечения курсисток, преподаватели, в числе которых были известнейшие ученые. Вот как, например, она писала о Б. В. Фармаковском: «Б. В. Фармаковский не обладал лекторским талантом, боялся пышных слов и не умел выражать свое восхищение и влюбленность в античное искусство и археологию. Вначале он мог казаться сухарем и формалистом. Лишь потом раскрывались и его действительно поразительная археологическая „премудрость“, и глубокое преклонение перед совершенством скульптур, и влюбленность в каждую деталь и мелочь в керамике, раскрывавшую „живую жизнь“ античного мира... Был он и удивительный, целенаправленный педагог-наставник. Он учил и умел научить всему, что необходимо археологу-искусствоведу... Человек он был бесконечно скромный, сдержанный и замкнутый. В те годы он был холост, жил один в уютно обставленной холостяцкой квартирке, с пожилой и неприветливой на первый взгляд домоправительницей. Вскоре после начала занятий Б[орис] В[ладимирович] предложил желающим взять работу по изучению и определению предложенных им греческих расписных сосудов. Мы, конечно, вызвались. Но на следующем занятии он сказал, что, может быть, это еще рано. Мы очень огорчились и после занятия подошли к нему, чтобы получить новое задание. Но он, к нашему удивлению, смущенно сказал, что мы можем взяться за работу над памятником... Так мы начали нашу археологическую карьеру, которой служили верой и правдой до 1922 г.» (Руднева, 2007. С. 142–143). Говоря о «нашей археологической карьере», С. Д. Руднева имела в виду, прежде всего, себя и Наталию Энман. Летом 1912 г. подруги

побывали на раскопках в Ольвии, где «...первые видели появление из земли хранящихся там сокровищ», в том же году «работали в музеях Москвы, Киева, Одессы», сделали большой доклад об открытиях В. В. Хвойко, описывали в Археологической Комиссии сосуды из Полтавского клада» (*Там же*. С. 149–150). Сама же Н. А. Энман в своей автобиографии в личном деле, хранящемся в Центральном Государственном архиве политических документов СПб., пишет о двух археологических экскурсиях в Грецию. «Во время пребывания на курсах я ездила летом с экскурсией студентов в Грецию, где работала в музеях и на раскопках по специальности. Первая экскурсия продолжалась 18 дней (июль 1910 г.), вторая — около 2-х месяцев (июнь–июль 1914 г.) Учась на курсах, — продолжает Н. А. Энман, — начала зарабатывать, работая по записи и описанию материалов раскопок юга России в быв. Императорской Археологической Комиссии с 1911 по конец 1917 г. (внештатно)» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 5).

Результатом изучения образцов расписной античной керамики, выполнявшегося по указанию и под руководством Б. В. Фармаковского⁷, стали две научные статьи, написанные Н. А. Энман и изданные в выпусках «Известий ИАК».

В 1911 г. выходит ее первая статья, посвященная хиосскому или, как тогда полагали, «навкратийскому» кубку из раскопок Г. Л. Скадовского 1900–1901 гг. на некрополе о. Березань (*Энман*, 1911. С. 142–158). Эта работа с интересом читается и в наше время. Она содержит подробное и полное описание сосуда, предложенная автором датировка близка современной (*Ильина*, 2005. С. 91). В следующем году вышла вторая статья «Ионийская амфора с Таманского полуострова» (*Энман*, 1912. С. 92–103), посвященная клазоменской амфоре с изображением пасущегося оленя (рис. 3), купленной Комиссией

Рис. 3. Расписная амфора, найденная на Таманском полуострове (НА ИИМК РАН. ФО. Негатив П32413)

Fig. 3. Painted amphora found on the Taman Peninsula (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS, negative П 32413)

у частного коллекционера. Эта статья, как и предыдущая, демонстрирует высокий уровень научной подготовки исследовательницы (*Вахтина*, 2019. С. 103–104). Позже амфора, изданная Н. А. Энман, станет «эталонным» сосудом для класса/группы Энман в классификации керамики Клазомен и их круга, предложенной британским ученым Р. М. Куком (*Сook*, 1952. Р. 134–136) и названным им в ее честь. Согласно этой классификации класс или группа Энман включал амфоры и ойнохои с изображением одной фигуры животного в центре метопы на каждой из сторон сосуда.

В 1915 г. Н. А. Энман закончила обучение на историко-филологическом отделении Университета, успешно сдала выпускные

⁷ С. Д. Руднева также успешно справилась с «домашним заданием». Ее статья «Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской» была издана в 1912 г. в том же 45-м выпуске «Известий ИАК», в который вошла и статья Н. А. Энман (*Руднева*, 1912).

экзамены и в сентябре 1917 г. получила диплом I степени по специальности «Древняя история и археология». В сентябре 1919 г. она поступает на работу в недавно учрежденную Российскую Академию истории материальной культуры. В Научном архиве ИИМК РАН хранится краткая автобиография, написанная ее рукой, датированная 9 сентября 1919 г. Вот как описан в ней круг интересов и занятий во время обучения на курсах и после их окончания: «Во время пребывания моего на В. Ж. К. (то есть на Высших женских курсах. — М. В.), я работала у Ф. Ф. Зелинского и в семинариях Б. В. Фармаковского. В это время я занималась специальным вопросом о доисторических стадиях каменного века в Юго-Западной Европе, о чем мною был сделан доклад в семинарии Б. В. Фармаковского. Этим же вопросом я занималась в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, где мною была разобрана и классифицирована коллекция Трипольских черепков из Кудринцев... Во время работы в семинарии Б. В. Фармаковского мною было начато издание одной вазы, находившейся в Эрмитаже. Работа эта была напечатана в «Известиях ИАК» 1911 г. вып. 40... Второй печатный труд вышел в том же издании в 1912 г. вып. 45 под заглавием „Ионийская амфора с Таманского полуострова“. Эта последняя ваза находится в Археологической Комиссии, и, работая над нею, я начала попутно заниматься в Комиссии, где мне в то время было поручено описание части Перещепинского золотого клада. С 1913 года занятия мои в АК по регистрации и описанию ионийской керамики из Ольвии продолжались с небольшими перерывами до настоящего времени.

С июля 1918 г. я состояла ассистентом по секции античных городов при III Отделе Археологической Комиссии. За последнее время мною ведется подготовка к изданию ряда ионийских черепков и архаического бронзового браслета с о. Березани, также ведется работа по подготовке таблиц к изданию Атласа древностей Юга России и разные текущие археологические работы. Кроме Петрограда Н. Энман⁸ работала в музеях Херсона,

Одессы, Киева, Афин и Кандии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 773. Л. 5). В краткой анкете, приложенной к автобиографии, в пункте о знании иностранных языков Н. А. Энман указала, что владеет французским, немецким, английским, древне- и новогреческим (Там же. Л. 1).

Характеристика Н. А. Энман была подписана Б. В. Фармаковским, который и ходатайствовал о ее зачислении в штат «...на должность ассистента по I разряду I отделения III Отдела Р. А. И. М. К.» (Там же. Л. 3–4).

О работе Н. А. Энман в РАИМК можно судить по ее отчетам, также хранящимся в научном архиве ИИМК. В отчете за первый год она писала: «Iа. Участвовала в разработке типа регистрационной карточки Ольвийских древностей.

б/ и в/ Главной задачей моей за 1919 год было постепенное собирание материала по древне-ионийской керамике в связи с находками в Ольвии, Березани и вообще в России. Начато исследование ионийских керамических стилей, главным образом милетского, в котором начинает выясняться ряд отдельных стадий развития. Мною привлекается материал, находящийся в Херсонском и Одесском музеях, доступный сейчас только по изданиям и рисункам, частью собранный и зарисованный мною во время работы в этих музеях, также весь заграничный материал. Участвовала в устройстве выставки Ольвийских древностей.

г/ Мною подготовляются таблицы ионийской керамики для предложенного к изданию Атласа Южно-русских древностей. В связи с этим мною был исполнен ряд акварелей с ионийских черепков для упомянутых таблиц. В качестве члена экспертной комиссии по оценке рисунков, изготовляемых для Академии, мною велось наблюдение за точностью воспроизведения разрезов Ольвийской серой посуды, исполнявшихся регистратором А. А. Пресняковым.

д/ Предложенная командировка моя в Москву для изучения ионийской керамики в местных музеях не состоялась по обстоятельствам времени (отсутствие помещения для остановки).

⁸ В отчетах она писала о себе в 3-м лице.

ж/ Составляла часть карточного каталога раскопок в России по Отчетам АК за 1886–73 и 1908–1915 гг.

2 а, б/ Мною собирается материал для издания бронзового браслета с о. Березани. Пока еще не удалось установить стиля этой вещи, быть может, он греко-финикийского происхождения и представляет большую редкость, судя по заграничному материалу.

в/ Подготавливается к изданию популярная брошюра об о. Березани и о раскопках на нем; собираются данные по изданиям и архивному материалу; в связи с этим мною был переведен с немецкого языка неизданный отчет Э. Ф. Штерна о последних раскопках на о. Березани за 1913 для помещения его в Известиях Академии.

3/ Готовятся к печати: упомянутое исследование об архаическом браслете и брошюра о Березани» (*Там же*. Л. 6).

Отчет за 1920 г. также отражает активную и разностороннюю деятельность; в числе прочего там упомянута и командировка в Москву, на этот раз состоявшаяся (*Там же*. Л. 8–9). По-видимому, Н. А. Энман успешно продолжала изучение греческой художественной керамики. В научном архиве ИИМК хранятся снимки трех асков из раскопок Ольвии⁹, сделанные по ее просьбе для готовящейся публикации. Однако в конце декабря следующего, 1921 г., исследовательница направляет ученому секретарю РАИМК заявление об уходе. В нем говорилось: «Прошу освободить меня от занимаемой мною должности в Академии, т. к. в настоящее время для меня выяснилась полная невозможность исполнять в должной мере возложенную на меня и доверенную мне работу ассистента Академии Истории Материальной Культуры. Считаю своим долгом оставить работу, которую не могу исполнить» (*Там же*. Л. 10). В январе 1922 г. ходатайство это было удовлетворено. Главную причину, побудившую Н. А. Энман навсегда оставить не только РАИМК, но и занятия классическими древностями, следует искать в ее увлеченности искусством танца.

В том же году по той же причине РАИМК покинула и С. Д. Руднева¹⁰, автор статьи о «милетской» амфоре, найденной на Тамани (1912). Подруги приняли решение отдавать все свои силы работе в студии пластического танца.

Способности Н. А. Энман к музыке и рисованию проявились еще в гимназические годы. Эти занятия она не оставляла на протяжении всей своей жизни. Некоторое время она училась живописи в студии Д. Н. Кардовского. В 1917–1919 гг. по просьбе Ф. Ф. Зелинского проиллюстрировала его популярную книгу «Греческие сказки» для издательства Сабашниковых (*Руднева*, 2007. С. 515).

Дружба Н. А. Энман с тремя выпускницами Петришуле — Е. В. Цинзерлинг и сестрами К. В. и И. В. Тревер — сложилась еще в школьные годы. Учась на Бестужевских курсах, она познакомилась с С. Д. Рудневой, Ю. Ф. Тихомировой и Н. В. Педьковой. Судьбы этих женщин сложились по-разному, все они были деятельны, одарены, многие добились успеха в выбранных ими профессиях и занятиях. Им также было суждено оставить след в развитии музыкального искусства. Вдохновленные творчеством Айседоры Дункан, с большим успехом выступавшей в России, они еще в 1910-х гг. организовали танцевальный кружок, получивший название «Гептахор» (или «Танец семи») — по количеству участниц. Это название предложил Ф. Ф. Зелинский (*Руднева*, 2007. С. 209). Девушки, восхищаясь канонами греческой культуры, стремились к тому, чтобы выразить и передать в движении и танце целый строй мыслей, ощущений и образов. Н. А. Энман не только увлеченно занималась в студии, но и делала эскизы костюмов и декораций, зарисовки, поясняющие танцевальные движения.

Вскоре «Гептахор» был зарегистрирован как «частная студия музыкального движения на самоснабжении при Ленинградском

⁹ Нег. II 21187; 21189; 21191–21194.

¹⁰ «Материально это был совершенно безумный шаг, так как мы переставали быть членами Дома ученых и теряли ученый паек», — писала она впоследствии (*Руднева*, 2007. С. 270).

профессиональном образовании», состав ее расширился (*Там же*. С. 276, 309). Участники студии выступали, ездили на гастроли, занимались преподаванием. Постановки пользовались большим успехом. При студии открылись двухгодичные курсы, где помимо танца преподавали рисование, историю искусств, античную историю. В середине тридцатых годов студия в силу разных причин прекратила свое существование. С. Д. Руднева, основной ее организатор и вдохновитель, вскоре переехала в Москву, где продолжала заниматься танцевальным искусством, делу этому она посвятила всю свою жизнь. Творческие искания и достижения студии, как и жизнь ее участниц, подробно описаны в неоднократно упоминавшихся здесь воспоминаниях С. Д. Рудневой (2007).

После ухода из РАИМК Н. А. Энман помимо студии работала аккомпаниатором на уроках физкультуры в 52-м Детском доме (1923–1925 гг.). «Так как эта работа мало оплачивалась, — писала она позже в своей автобиографии, — я с июня 1925 г. начала внештатно работать во вновь организованном учреждении „Бюро Обмена Минералами“ Института прикладной минералогии (Москва), помещавшемся тогда в Институте Металлов... В ноябре 1931 г. я ушла по собственному желанию из Ин-та Прикладной Минералогии, так как узнала о возможности пойти работать лаборантом парткабинета Лен<инградского> Обл<астного> Комвуза. Я хотела работать и учиться одновременно, так как политического воспитания не имела. С ноября 1931 г. я перешла в Комвуз. Сразу же начала слушать курсы диамата-истмата-ленинизма, истории ВКП(б)... После реорганизации Комвуза в Лен<инградскую> Высшую Коммунистическую Сельскохозяйственную школу им. С. М. Кирова в 1932 г., я работала зав. Кабинетами Диамат-Истмата и Ленинизма... Все эти годы я разрабатывала материалы для наглядных учебных пособий, организовывала выставки к темам дисциплин. <... > Я вела общественную работу, была профоргом 4-х кафедр, членом редакции стенгазеты, оформляла выставки к проработкам студентами

материалов съездов и т. д.» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 6–7).

Осенью 1938 г. Н. А. Энман поступила на службу в недавно образованный Музей С. М. Кирова. Сначала она работала в должности инвентаризатора фондов, позже стала заведующей фондами. Вскоре она вступила в ВКП(б). В Архиве политических документов хранятся материалы, связанные с ее приемом в партию (ЦГАИПД СПб. Ф-1728. Оп. 1. Д. 248964-1, 2). Сухой язык протоколов передает напряжение и «острые» моменты, сопровождавшие обсуждение вопроса о том, достойна ли Наталия Энман рекомендации в кандидаты в члены партии. Сама же она проявила достойную выдержку, отражая нападку недоброжелателей. Судя по выписке из протокола № 13 заседания партбюро музея С. М. Кирова от 8 мая 1939 г. (ЦГАИПД СПб. Ф-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 9–10), неоднократно поднимался вопрос о социальном происхождении ее отца. Н. А. Энман охотно говорила о его научных достижениях, но твердо стояла на том, что не знает ничего о его социальном происхождении, так как лишилась отца, будучи еще очень юной. Звучали и вопросы, выражавшие недоумение по поводу отказа Н. А. Энман от занятий археологией, ее «переориентировки» на работу в Музее Кирова. По поводу ее работы в РАИМК было высказано суждение: «После Октябрьской революции ряд учреждений саботировали, как ваше», на что последовал ответ: «Нет, мы работали честно». Некоторые участники позволили себе недоброжелательные высказывания в ее адрес. Например, некая Т. Рогова заявила: «Знаем мы, как относилась к революции старая интеллигенция — побольше заработать, получше пожить. Держалась замкнуто. Очень поздно проснулась т. Энман. Бестужевские курсы, где она училась, имели революционные элементы, и она почему-то осталась в стороне от этого движения. Почему она переключилась на другую работу, такая образованная, она принесла бы там больше пользы, а здесь она работает на технической работе — инвентаризатором. Я не верю, что она не знает о соцпроисхождении

отца. Я воздерживаюсь от приема т. Энман в партию». Завершил прения директор Музея С. И. Авакумов¹¹: «Нужно отметить, что мы забыли время, когда проходила дифференциация интеллигенции, когда к нам примыкало все лучшее, когда мы вели на этом участке большую работу. Возьмите Энман, ее отец был „книжный червь“, она описывала черепки и дальше этого ничем не интересовалась, но поворот у нее произошел уже 10 лет тому назад, и это время она росла и много работала. <...> Описывать Кировский материал важнее и почетнее, чем описывать черепки. Она пришла не на ставку, а на работу, важность которой вполне понимает и выполняет хорошо. Нужно принять т. Энман в члены ВКП(б)». В итоге 16 участников собрания проголосовали «за», 4 воздержались. В 1939 г. Н. А. Энман была принята кандидатом в члены ВКП(б), а в 1940 г. стала членом партии (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-1).

Когда началась Великая Отечественная война, она продолжала работать в Музее С. М. Кирова, располагавшемся тогда в здании бывшего особняка М. Ф. Кшесинской на Большой Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева)¹².

¹¹ С. И. Авакумов (1894–1962) — директор Музея С. М. Кирова в 1938–1941 гг. В 1941 г. был назначен членом редколлегии и зав. отделом пропаганды газеты «Ленинградская правда», в 1942–1945 гг. был директором Ленинградского института истории ВКП(б). В 1947 г. стал заведующим ЛОИИ АН СССР, а в феврале 1949 г. арестован по «Ленинградскому делу» и осужден по 58-й ст. на 25 лет лагерей. В 1954 г. он был полностью реабилитирован, вернулся в Ленинград и в 1955 г. вновь зачислен в штат ЛОИИ, где и проработал вплоть до своей кончины. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/s_i_avvakumov (дата обращения: 29.04.2020).

¹² Музей С. М. Кирова был открыт 8 ноября 1938 г. в здании бывш. особняка М. Ф. Кшесинской на Большой Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева). В 1946 г. один из филиалов Музея был открыт в его квартире на Кировском пр. (ныне — Каменноостровский пр.), д. 26-28. В 1955 г. здание особняка Кшесинской было передано Музею Октябрьской революции, а Музей полностью переместился в дом, где жил С. М. Киров (Сухарникова, 2012. С. 6).

О блокадном дневнике Н. А. Энман

Записи, сделанные Н. А. Энман в дни блокады Ленинграда, хранятся в Центральном архиве историко-политических документов Петербурга в деле «Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н. А. Энман» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396)¹³. В деле 356 листов разного формата; часть из них — рукописные записи чернилами в обычных школьных тетрадях с мягкими обложками, другая — машинописные страницы (рис. 4). По-видимому, ветхие фрагменты рукописи позже были перепечатаны на машинке. Записи датируются по дням, начиная с 1 августа 1942 г. (Л. 12), последняя относится к 19 ноября 1943 г. (Л. 356). Часть записей в первой тетради, рассказывающая о начале войны и событиях первого года блокады, не имеет разбивки по датам. Очевидно, эти отрывки были написаны по памяти.

Н. А. Энман по-видимому продолжала вести дневник и после ноября 1943 г., просто часть ее архива не сохранилась. В последних имеющихся записях нет ничего «завершающего», дневник просто обрывается. Это повествование о повседневной жизни в блокадном городе. Жизнеописание велось подробно, детали точны.

Из дневника мы узнаем, что основной задачей, поставленной перед сотрудниками Музея, была работа по сбору материалов о Ленинграде в годы войны. Материалы нужно было группировать по рубрикам (о рубрикате не говорится подробно, известно лишь, что он постоянно менялся, что вызвало у автора дневника вполне понятную досаду). Материалы должны были содержать данные о жизни города: работе заводов, предприятий и различных служб, организации обороны, быта, проведении мероприятий, деятельности милиции и пр. Они готовились для будущих исследователей, которые по окончании войны быстрее на их основе могли бы перейти к созданию трудов о военном

¹³ Далее ссылки будут даваться на листы дневника, не указывая полностью номер дела, хранящегося в ЦГАИПД СПб.

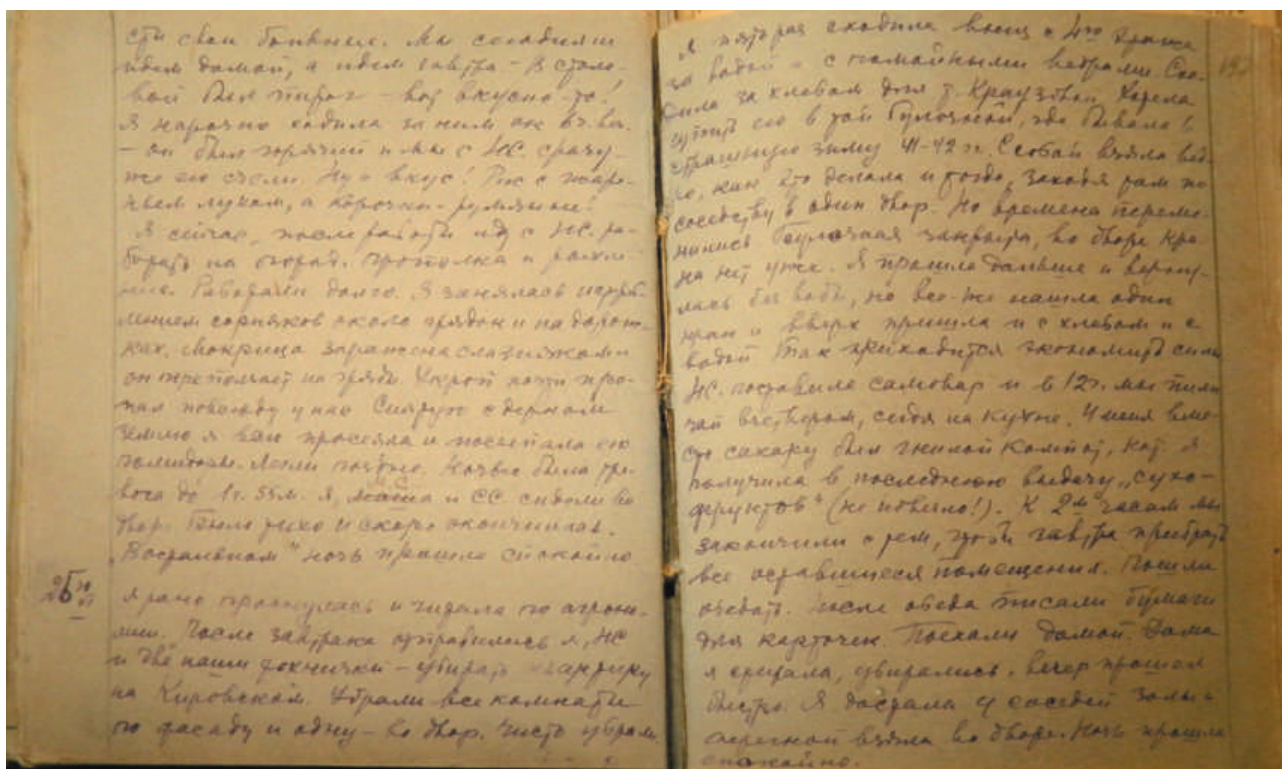

Рис. 4. Страницы блокадного дневника Н. А. Энман (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396)
 Fig. 4. Pages of the blockade diary by N. A. Enman (Central State Archives of Historico-Political Documents SPb. Collection 4000. Inventory 10. Unit of storage 1396)

Ленинграде. Основным источником были газеты, откуда делались вырезки, которые сортировались, помечались и складывались для дальнейшей работы.

Кроме основной службы обязательными были различные коллективные работы: на общественных огородах, по разборке деревянных строений на дрова и подвозке их в Музей, просто разнообразная «работа на дровах», уборка улиц от снега и др. Во время войны Н. А. Энман приняла на себя должность заместителя директора Музея, она отвечала за получение карточек на весь штат, прикрепление к определенным магазинам и пр. С самого начала войны она начала сдавать кровь для раненых бойцов, гордилась своим донорством, видя в нем личный вклад в грядущую победу¹⁴. Каждая запись представляет

собой описание «одного дня жизни в блокадном городе». Для каждого из них отмечено количество воздушных налетов, их продолжительность указана с точностью до минут. Подробно перечислены продукты, которыми удавалось отоварить карточки, дополнительные «выдачи» к 7 ноября и Новому году, описан урожай, собранный на выделенном участке, количество и качество дров, добытых для Музея, упоминаются места, где можно было набирать воду и пр. Данные о сдаче крови сведены в таблицу (Л. 206об–207), где указаны дни процедур, количество взятой крови, процент гемоглобина; перечислены продукты, приобретенные затем в «донорском магазине». В этих кажущихся немного суховатыми, слабо окрашенными эмоционально записях о чередности дней и дел, на первый взгляд, не всегда удается разглядеть «высокий подвиг». Подвигом был каждый день, каждый час жителей Ленинграда.

Несколько слов об общей «тональности» дневника. При его чтении, конечно же,

¹⁴ В течение первого года донорства она «сдала за год 2 литра 310 куб. см крови — кому-то помогла. Я счастлива, что так могу дать свою жизненную силу родной Красной Армии, дающей мне жизнь» (Л. 33).

ощущается присутствие «внутренней цензуры». Она была, вероятно, двоякого рода. С одной стороны, автор, несомненно, учитывала, что в ее тетради легко могли заглянуть посторонние люди — на службе, где она иногда их хранила, в очередях в Институте переливания крови, сидя в которых, она иногда писала свой дневник и пр. С другой стороны, умение радоваться, желание видеть и отмечать достойное и «светлое» — будь то поведение людей, красота родного города, бытовые удачи и преодоление невзгод, несомненно, помогали в эти тяжелые дни жить, работать, вносить свой посильный вклад в победу над врагом. И поэтому в описании тяжелых, трудных и опасных будней явственно звучат доброе, благожелательное отношение к окружающим, ответственность за свой труд, гордость за свою страну, за свой город, вера в Победу. И это придает всему повествованию светлую, оптимистическую тональность.

О ленинградской блокаде написано много. Писать об этих днях будут и в будущем. Дневник Наталии Александровны Энман, одно из документальных свидетельств жизни в осажденном городе, заслуживает полной публикации. Далее приводятся фрагменты ее блокадной повести¹⁵.

Дневник открывается записью, датированной 22 июня 1941 г., затем следуют воспоминания о значимых событиях первой блокадной зимы (Л. 1–3). Вот как запомнился Н. А. Энман день, когда было объявлено о нападении Германии на Советский Союз: «Я выколачивала во дворе у себя дома¹⁶ теплые вещи и с шубами в охапке, с палкой и щеткой, вошла в комнату, чтобы взять еще что-то. Вдруг — радио, говорит т. Молотов. Вероломное нападение германского фашизма на нашу страну... Никогда, никогда не забыть этого дня, этих минут. Кончилась жизнь, началась война. Будем жить совсем-совсем по-другому,

нашу жизнь, радостную, солнечную — отложим на потом, в будущем будем снова жить... В тот же день утром мы случайно купили по 1 кг сахара, 3 крупы и летом набрали и засушили мешочек грибов. Думали ли мы сейчас, в день войны, что этих „запасов“ — нам хватит до января 1942 г. и что они нам так помогут в трудные, голодные дни! А так вышло». Говоря «мы», Н. А. Энман, не имевшая семьи, имела в виду свою ближайшую подругу, Надежду Степановну Судакову¹⁷, также работавшую в Музее С. М. Кирова. Она обычно фигурирует в дневнике под инициалами Н. С. Инициалами в большинстве случаев обозначены и другие люди, упоминаемые Н. А. Энман.

«Вскоре после начала войны в Музее С. М. Кирова началась работа по подготовке к эвакуации наиболее ценных предметов из музейных фондов. Был организован сбор средств для подшефного госпиталя при Институте травматологии. Мы спешно собирали цветные металлы, несли из домов все, что мог — мы принесли самовар, кастрюли, подсвешники, все собирали в Музее... Собрали много денег, купили материалы, теплых вещей, сшили сами теплые шапки, рукавицы, кашне и пр. В госпиталь сдавали много постельного белья. От 16-и человек (нас осталось к ноябрю 1941 г. с 60 чел. 16 чел., а к декабрю — 10–11 чел.) купили и сшили свыше 30 новых простыней, 100 наволочек, собрали тюфяки, одеяла и т. п... Лихорадочно готовились к эвакуации ценностей Музея. В июле захоронили скульптуру в нашем Музейном саду. Ценности фондов я убирала в подвале. Торопилась. Сроки все сокращались. Укладывали негативы в ящики, ценные, уникальные, все заносились в списки. В залах снимали картины, вынимали из рам, снимали с подрамников, скатывали на огромные рулоны.

¹⁵ Здесь приводится лишь небольшую часть дневника.

¹⁶ Н. А. Энман жила в комнате коммунальной квартиры на ул. Рубинштейна, д. 14, кв. 2. Здесь и далее примечания М. Ю. Вахтиной.

¹⁷ Н. С. Судакова, выпускница Бестужевских курсов, была «человеком большой культуры, живого ума, знаний и интересов». Появившись в 1926 г. в студии «Гептахор» в качестве инспектора Отдела профобразования, она через несколько лет стала членом гептаровской коммуны. С 1938 по 1951 г. работала в Музее С. М. Кирова (Руднева, 2007. С. 308, 517).

Солнечные, жаркие дни. Я сижу на полу в большом зале и укладываю в большие плоские ящики небольшие картины, наброски, гравюры. Одна из наших девушек-экскурсоводов носится по залам и снимает акварели, литографии. Скорее, скорее! <...> Наутро они уедут в глубокий тыл. Это было в середине августа 1941 г. Во всех комнатах кипела работа. Мар. Соломоновна, наш партийный секретарь, успевала когда-то состряпать нам обед. Помню, бегали вниз, в булочную, и на складчину со своих карточек покупали хлеб к обеду. Потом — масса ящиков — 200 шт. и ночью мы их наполняем книгами по полкам, отмечаем на них, какой шкаф, какая полка. Наутро все было готово и ящики увезли в глубокий тыл (Л. 3)... С конца августа 1941 г. я перешла на казарменное положение в квартиру С. М. Кирова. Днем работала в Музее, на ночь уходила в квартиру. Помню ночи. Тревога, бомбежка. Я хожу по темным комнатам Кировской квартиры. Окна все открыты настежь, чтобы сохранить стекло. На руках у меня — кожаные рукавицы, в руках лопата или крюк для хватания „зажигалок“. Когда очень бьет, я стою в передней, за толстой стеной и выглядываю оттуда в комнату, выходящую окном и двумя дверьми балкона на Кировский просп. Небо полыхает, лучи прожекторов. Стучат осколки. Когда все кончается, я иду к телефону и звоню в Музей, что все в порядке. Иногда мне как-то уж очень одиноко в большой, темной квартире и я думаю о том, как мало я смогу сделать для ее охраны в случае чего. Это ведь 4-й этаж, выше — еще квартира, незнакомые люди, а над этим всем — чердак, где никто не дежурит. В Музее, в свою очередь, дежурит Над. Степ. (то есть Надежда Степановна Судакова. — М. В.) и я за нее иногда беспокоюсь, очень уж мал наш домик, весь ходит ходуном и нет в нем устойчивости. А немногочисленные наши люди дежурят на постах все тревоги и на крыше. Днем мы все, как группа самозащиты, дежурим на своих постах — в залах, на лестницах. Все здания были нашими руками подправлены в противопожарном отношении, сколько песку мы привезли

с пляжа у крепости на тележках в Музей, сколько ведер воды подняли на чердаки вместе с песком. Чердаки мы превратили в совершенно белые. Один из наших работников — мастер на все руки — „дядя Саша“ — сам сделал главнейший инвентарь на пож<арные> посты — совки, щипцы и др. Мы гордились своим оснащением — все проверки от города и р-на давали прекрасные отзывы. Помню какой-то вечер в сентябре. Весь день и ночь стрельба. Это было после первого налета 8-го сентября, когда горели склады и на небе стоял никогда более невиданный столб дыма, освещенный закатом и сам красный от пожара... Стук в дверь Кировской квартиры. Я иду — открываю — стоит моя Над. Степановна с рюкзаком на плечах. Оказывается, не выдержала она пребывания у себя дома в свободные от дежурства ночи и пришла ко мне, чтобы вместе со мной дежурить по ночам в квартире Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.). Так и осталась на казарменном со мною, и с тех пор, <несмотря на> все трудности блокады, мы не разлучались. Осенью мы сперва жили в прекрасных условиях в квартире. Было еще тепло, и ночью мы все тревоги продолжали открывать окна. <...> Когда настала поздняя осень, начало зимы, ночью нельзя было открывать окон, все батареи отопления были под ними — начались морозы. Была ночь. Налет. Грохот, бомбы где-то недалеко падали. Плохо, что напротив был большой госпиталь, куда враг целился. Мы были за толстой стенкой в передней — вдруг раздался особый, какой-то звонкий звук и затем — мгновенный звон стекол... Когда мы сразу же бросились в комнаты, то по фасаду на нас, как мертвый оскал черепа — глянули дырки вместо стекол — звезды глядели из черного неба. Весь дом в один миг лишился стекол со стороны Кировского пр. Стекла лежали вдоль всех комнат, до самых стен. Груды их лежали на полу, остальные повисли на марле, которой были оклеены стекла.... И, звеня, качались на ледяном ветру... Если бы мы обходили в тот миг комнаты, нас бы уже не было. Потом выяснилось, что напротив, видимо, в воздухе, разорвалась

осколочная бомба (Л. 5)... Стекла заменили фанерой. Пришли рабочие дома забивать окна. Голодные люди. Еле двигались. Потом умерли, мы узнали. Мы поселились в ванной комнате, чтобы топить колонку. Отопление еще действовало по дому, но жить в больших комнатах становилось холодно».

Вскоре этажом выше прорвало трубы, квартиру затопило (Л. 7). «С тех пор вся квартира замерзла. Мы продолжали жить в ванной... Двери нашей ванной покрылись инеем, он выступил давно, так как без стекол в комнатах было все же холодно. Дальше жили в кухне. Вечером приходили после работы и заранее ждали счастливого мига, когда затопим плиту и погреемся. Вокруг все стены — в кранах, умывальниках, и все это замерзло. Обилие клеенками и др. двери на лестницу, в основную квартиру. НС не могла ходить на работу и брала работу (карточки) на дом, я приходила из Музея, и мы ели суп, который она варила... Вечером у нас доходило до 8 градусов тепла. Старались экономно топить. Спали в комнатке бывшей домработницы, рядом. Печи там не было. Ложились рядком, чтобы было теплее. В постель я брала горячие утюги, укладывала в ноги и за спину, так по очереди согревались. Со стен текла вода. Иногда капало с потолка прямо на головы. Наутро было 0 или 1, а то и -1. Рано утром нас будило радио (мы провели его сюда из других комнат) — я шла за хлебом, пробираясь по нежилой лестнице. Когда приносила хлеб — пили чай или кофе, согревая его на крохах керосина. И я уходила, а через день и НС ходила в Музей.

Как-то в темное утро я стояла в бесконечной очереди за хлебом и уже, подходя к входу — вдруг не могу идти вверх, в булочную. Теряю сознание. Об одном думаю: не упасть, стоять. Не потерять карточек, тогда — конец. Кто-то помог войти. Как-то выстояла в толпе. Уронила портфель с карточками. Кто-то поднял. Подала карточки — взяла обратно. Хлеб взяла, все это — из последних сил. Кто-то вывел под руку и понес хлеб, и довел до Скороходовой ул. Хлеба оказалось меньше, чем

должно было быть. Карточки были целы, и я не упала. Когда я вошла в кухню, НС испугалась, такая я была. Это — единственный раз со мною было. Я ходила за водой с 4-го этажа. Часто приходилось искать по дворам, по домам воды. Ходила к яме от снаряда, упавшего против больницы Эрисмана. Там делалось что-то страшное. Люди из столовых вытаскивали всех и брали воду в чаны и бидоны, а мы ждали на трескучем морозе в огромных очередях. К яме надо было спускаться по обледенелым откосам. Вытаскивали друг друга... Люди падали. Ходила далеко, на Неву у крепости, и оттуда носила воду. Обычно утром, до отхода в Музей, так как после работы ходила в госпиталь, читала там газеты раненым, а в дни, когда шла прямо, забирала воды в Музее и несла...

Зимой 41–42 г. мы не получали зарплаты, в феврале еще за декабрь не получили, потому что Смирнова, наш директор, в декабре слегла в больницу... В Музее не было бухгалтера. Многие сотрудники не могли ходить и лежали. Я ходила и выполняла все поручения хозяйки и др. И приходилось за неделю делать по 35 км по городу и больше. Ясный, солнечный день. Надо идти в Смольный заверять подписи, т. к. больше без зарплаты не можем. Я иду через Неву. У Медицинской Академии лежат трупы, объединенные до половины. Не забыть их. Солнце светит. Иду через парк Ленина к больному бухгалтеру, чтобы составить с ним ведомость. Несу ей свечку, чтобы с нею работать. В парке — солнце, иней блестит. У входа в учреждение — 2 трупа. Женщина — в чулках, точно танцует — откинута нога. Иду в больницу к Смирновой, далеко, на Елагин. В парке — машина с трупами и сверху — девушка с пушистыми, золотистыми волосами. Иду с бухгалтером на Невский, в банк — один этот бухгалтер не хочет идти. В банке все работают в подвале. Чуть горят коптилки... Сколько раз получала там зарплату и с торжеством приносила своим в Музей. Счастлива была, что могу ходить» (Л. 8).

И еще несколько эпизодов первой блокадной зимы.

«Иду за продкарточками, должна идти¹⁸... Иду с утра сдавать кровь в Институт на 3 Советской, иду с Петроградской стороны. Не пропускаю ни одного срока с августа 41 г. Сдав кровь (когда уже в декабре 41 года стали давать паек) — иду в магазин и там строго в очереди за пайком до полной темноты, иногда до 11 веч. Обратно идти во тьме — опасно, т. к. были случаи, что отбирали паек. Идем по парам, под ручку. Шла так однажды, в январе 42 г. Луна, светло. На Литейном попала в потоп от лопнувших труб. Валенки мокрые, обледенели, мороз сильный. Иду с трудом, скользко, как на коньках. Несу в рюкзаке паек. Сворачиваю после цирка к Инженерному замку. Сугробы снега. Падаю несколько раз, т. к. валенки скользят. На мосту еще падаю. НС не спит. Сидит перед потухшей плитой и ждет, и ждет меня. Даю ей хлеба, делю все, лишь бы ее сохранить. Яйца в мешке разбились и смерзлись в комок...

В конце января не было хлеба. Хлебозаводы не работали из-за замерзших водопроводов. Мы стояли в очередях в темном магазине внизу дома, где квартира Кирова — стояли целыми днями. В темноте какие-то тени металась сзади очередей и тащили хлеб из рук... После двух дней мы получили 50 % муки. Это нас спасло. Ночью НС спекла какие-то лепешечки, и мы их не забудем. В эти дни я в метель стояла у другой булочной на улице. Перед мной молодая женщина в серой жакетке из беличьего меха, с черными, пушистыми волосами. Она смотрела мягкими, усталыми глазами и тихо говорила: „Больше не могу, нет сил. Муж болен, кричит — дайте есть! Мать

¹⁸ Н. А. Энман получала продовольственные карточки для всего коллектива Музея. Это была сложная и ответственная работа: сначала составлялись списки сотрудников и акты, заверялись в различных учреждениях подписями и печатями, затем сдавались в определенные сроки в Бюро учета. Получение карточек также требовало составления акта. Потом Н. А. Энман дома заполняла карточки от руки, вписывая фамилии сотрудников, и лишь после этого следовала процедура их раздачи, также оформлявшаяся в установленном порядке. Все эти хлопоты подробно описаны в дневнике.

умирает. Если сегодня я не получу хлеба, я покончу с собой. Больше я не могу слушать голоса мужа“. Я много ей говорила, что нужно держаться, жить, что завтра хлеб же все-таки будет! В тот раз из дверей булочной кто-то вышел и сказал, что хлеба не будет. Очередь разошлась... И все эти дни такие страшные, такие безумно яркие, солнечные, сверкающие каким-то безжалостным блеском мороза, все было полно одним — впереди ведь победа, ведь мы же победим! И одно только желание — дожить до этого дня, который будет» (Л. 9–10).

Датированные по числам записи начинаются с конца ноября 1941 г.

«30 ноября 41 г. Я сижу в фондах и готовлю выставку для госпиталя о жизни и работе т. Кирова. Очень близко падают снаряды. Я переносу щит в другую комнату... и продолжаю работать. Сильный удар — снаряд упал на панели перед окном. Стекла вылетели. Другие 4 снаряда упали в саду. <...> К счастью, один недолет и 4 перелета дали возможность Музею отделаться только трещинами в стенах» (Л. 11).

Огромную роль в жизни ленинградцев играли огороды, на которых выращивали овощи и зелень. В записях Н. А. Энман работы на них упоминаются постоянно. Это и коллективные выезды в Девяткино, на огород, разбитый на участке, выделенном Музею С. М. Кирова, и уход за огородом, организованным в музейном дворе. Еще два небольших «огорода» были посажены Н. А. Энман на окнах и балконе квартиры С. М. Кирова и окнах ее собственной комнаты в квартире на ул. Рубинштейна, куда она изредка навещалась и куда возвратилась по окончании «казарменного положения». В дневнике подробнейшим образом описаны разнообразные «блюда» из собранных овощей, различные способы заготовки (в пищу шли не только корнеплоды, но и ботва, «сок» после варки и пр.).

«2 августа 1942 г. С утра ходила за водой на новое место, т. к. в соседнем дворе почему-то закрыли воду в кране, который среди развалин кирпичей разобранного дома. Всюду искала крана в соседних дворах. Наконец

указали — в следующем доме. Сходила два раза с кастрюлей и ведром по парадной лестнице. В 4-й этаж нести трудно и поэтому старалась думать о чем-нибудь, тогда незаметно поднимаешься. Встретила на лестнице женщину. Это теперь — редкость, такая пустыня кругом — все пустые квартиры. Лестницу никто не убирает... В Музее было пусто. Наши лежали на крыше и грелись. Так давно не было солнца... Опять тревога длилась долго — сварила обед. Потом прорежала свеклу и турнепс в огороде. Нарвала китайской капусты и кап<устного> листа, чтобы нарубить и солить. Вернулась на квартиру уже к 5 или 6 часам. Снова тревога — длилась не менее 3-х часов. Отработала зелень для засола. Утром для больной (Н. С. Судаковой. — М. В.) нужна была грелка. Где согреть воды. Решила вытащить самовар, спрятанный в буфет. Несмотря на ужасный дым, который ел глаза — самовар все же поставила и радовалась, как быстро он вскипел. Сломала корзинку из-под бутылок и эти щепки жгла. Вечером слушала радио и ушивала себе юбку, которая после двух ушивок снова валится. Утром в воскресенье еще собирала навоз на Кировском пр. против трамвайной остановки — люди сидели усталые, долго, видимо, ждали трамвая. Глядели на меня. А мне хоть бы что. Зато я подкормлю свои луки-пореи здесь на балконе и горох, завтра полью навозной жижей помидоры и огурцы. Набрала целый тазик и торжественно снесла в 4-й этаж (Л. 12–13).

3 августа 1942 г. С утра пошла в Музей. Успела до завтрака полить то, что хотела, в огороде...я должна выполнить норму, которой добилась — разрезать и разнести по 30 рубрикам не менее 15-ти газет «Лен<инградская> Правда» за день. Начала я с 4-х газет, а теперь были дни, когда успевала 19 газет разнести. До обеда сделала 6 шт., остальные до 7 ч. 30 м. нужно сделать. <...> Всю ночь со 2-го на 3-е и с 3-го на 4-е где-то близко под городом идет битва. Грохочут выстрелы тяжелой артиллерии. Каждый удар — если думать, что это мы бьем — радость, гордость за нашу Красную Армию. Всей своей жизнью мы обязаны им, нашим дорогим. Каждый миг

там ранение наших бойцов, там смерть, там ярость их ненависти, там красота неповторимого героизма. Как же мы, каждый из нас, должен работать, чтобы достойно помогать нашим бойцам. И еще — вот нас устроили на прекрасное питание¹⁹, и я каждый день, каждый кусок хлеба, ложку супа, каши все я ощущаю как драгоценную помощь, с громадным трудом завезенную в наш город. Я питаюсь, я сыта, я обязана каждую минуту своего труда отдавать делу, которое мне доверили — ведь время-то не ждет. Надо торопиться. Задача огромна и важна — сбор и обработка материалов Великой Отечественной войны — в обстановке нашего города. Многие уезжают. Надо торопиться собирать. Я должна скорее кончить разрезку 1941–1942 гг. Над материалами газет тогда смогут работать научные работники. А сколько еще надо мне сделать — газет много других. Плохо, что через день мы ходим в Институт истории партии — дело поэтому медленнее движется» (Л. 13–13об).

«4 августа. С утра работала в Музее. Канонада гремит. Радио передает музыку, бодрую, веселую. Мы здесь так привыкли к невероятным контрастам в наши дни, что даже не удивляемся им. Обстрелы и музыка, стихи и грохот снарядов, свист их через голову и разрывы. Все это — одновременно. Рвутся снаряды где-то в городе, а люди и дети спокойно идут по улицам. Все это понятно и лишь иногда на минутку удивись — и снова живешь, работаешь, спешишь... Идет проливной дождь, каждый день. Где же лето? Оно незаметно промелькнуло, хороших дней почти не было, и солнца мало видели. В четверг надо ехать полоть на огороде за город — там все залило. Придется работать, стоя в воде, там глина. Надо ехать, а то сорняки ведь не ждут. Хоть бы дождя не было... Сижу в полутьме. Окна с фанерными рамами вместо стекол — закрыты. Оставлена щель. Дождь льет на подоконник. Только что поужинали. Принесли

¹⁹ Время от времени сотрудники Музея прикрепляли к столовой, где можно было пообедать. Обеды эти были скудные — черпак щей с капустой и несколько ложек каши, но по блокадному времени это, конечно же, была огромная поддержка.

кипяченой воды и попили теплого чаю. Здесь нет ничего, на чем греть, а самовар ставить — щепок жаль, их мало. Надо бы написать письма, но темно и нет сил. Дождь поливает мой огород на балконе — это хорошо. Этот огород — в кабинете Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.)... Теперь война. Фронт. Мы должны помочь ему обеспечить себя зеленью, сохранить свое здоровье — в этом тоже наша борьба с ненавистным врагом. Боюсь я за дружка своего, Надежду Степановну. Поддерживаю ее, чем могу... Хочу ее сохранить для работы и жизни... Темно. Почти ничего не вижу, иду ложиться. Буду слушать радио. Вся душа там, где рвутся залпы. Юг беспокоит ежечасно. Болит сердце за наши дела на юге. Все ждешь сводки, с 6 час. Утром ждешь, и днем, и вечером... Скоро иду сдавать кровь. Это — торжественный для меня день. Всегда его ощущаю, как выполнение своего долга. Рада, что чуть, чуть начинаю поправляться. Не такой уж скелет, как зимой. Даже стыдно было перед врачами, как шла на осмотр. Вот скоро год, как я донор. С 14 августа того года... Ну, темно, кончаю. Я не умею писать дневник. Надо кратко, одни факты, а я размазываю. Научусь впоследствии. Дождь-то льет» (Л. 13–14).

«6-го августа. С утра сбегала за хлебом, поела зелени сырой и ай-да на огород. Поехали без билетов, т. к. очередь огромная у кассы... Сперва не тот поезд указали, думали не уедем, так как грибниками он прямо увешан, но оказался другой состав, и мы даже сидели. Доехали без дождя, шли по сухой дороге немного в обход. Какой чудный воздух, тихо, не стреляют сегодня. У нас огород на $\frac{1}{3}$ залит водой и свекла гибнет. Капуста карликовая, брюква одна вывозит. Пололи на славу, много сделали. Я сварила щи из капустных листов, моркови, морковной зелени и еще сыроежек нам дал зав. участком. Поели перед отъездом, в 7 час. вечера, а до этого позавтракали взятым с собой. Вечером в поезд все влезли. Массу грибов везут люди. Я наполола щавеля с собой. Хочу положить в квашеную капусту. В квартире темно, света нет... Слушали радио перед сном» (Л. 15).

«8 августа. Теперь снова в Институт переливания крови. Тут сижу в очереди. Маса времени проходит зря... Хочу сохранить % крови тот же, только бы не сбавлять, а то стыдно сдавать жидкую кровь. Сейчас чувствую себя немного крепче, видимо, начала прибавлять в весе. А то как-то взвесилась, и оказалось (в марте–апреле) — с 78–80 кг сбавила за зиму до 52.600. Потом взвесилась через месяц — оказалось 50.700 — оттого, что была в более легкой одежде. А в июне в этой же одежде весила уже 53.600. А теперь, думаю, еще прибавила... Однажды в марте у меня нашли отечность ног и „пастозу“ лица. Не допустили к сдаче крови. Я совсем завяла. Чувствовала себя точно лишенной права гражданства. Ведь давать свою кровь бойцам — это самое дорогое для меня. Это то, что я непосредственно даю фронту, и вдруг — нельзя. Прошло 8 дней, меня снова осмотрели и допустили. Как я была счастлива — словно снова стала полноправным гражданином своего любимого города, своей родины — в трудную, суровую годину. Я уж всюду достаю железистые пилюли, всякие „глицерофосфены“ и т. п., ем зелень, чтобы витамины получать все, чтобы % гемоглобина в крови не снизить. И он у меня, снизись с 77 до 70 %, все держится так. Я горжусь этим, ведь я же ужасно похудела, меня никто не узнавал, я была (и еще и теперь такая почти) — прямо скелетом — все кости, все мышцы видны, а сидеть прямо — невозможно больно. А врачи говорили „лучше худейте, только не толстейте“ (то есть не пухните) — мне просто неловко было раздеваться догола перед врачами. Кожа вся, как у слона — в складку. Врачи качали головами, но я честно уверяла, что чувствую себя бодро и могу много ходить, что очень много хожу... И меня допускали, хотя дозу уменьшили до 170 кубиков. Сегодня работала вторую часть дня в Музее» (Л. 16).

«9 августа, воскресенье. Опять промчалась неделя и снова — выходной день. Мы сегодня стираем белье в Музее. Работали до 5 час. дня — только развесили — пошел дождь, досушивали на следующее утро. С утра наносила воды в квартиру, убралась. После 5 час.

ездила к себе на квартиру. Там у меня в ящиках на окнах растет укроп, я его поливаю, когда езжу туда (редко). Окна в комнате нашей открыты, пыли масса. Нежилой вид. Ждет комнатка нас. Когда-нибудь вернемся сюда снова... Когда хожу через Кировский мост, не могу налюбоваться Невой, нашим городом. Красота: пустынен он, музыка играет по радио. Часто звучит рояль-скрипки, а вдали грохот канонад. Крепко знаю — не отдадим мы его извергу врагу, не ступит здесь его нога. Часто кажется, что мало делаю своей работой. Знаю, что собирать и обрабатывать материалы этой нашей священной войны — это моя борьба с врагом, который хочет уничтожить все, что попадает к нему, а мы стремимся каждую в черточку сохранить. Собрать все эти “гроздья гнева”, воплощающиеся в героические легендарные дела. Это ли — не важнейшая задача... Это — важное, спешное дело» (Л. 17).

«12 августа. Скоро идем слушать 7-ю симфонию Шостаковича в Филармонию. Это для нас — целое событие. За год войны мы сходили только недавно на фильм „Ленинград в борьбе“... Шла сегодня из кассы Филармонии через площадь жертв Революции (пл. Суворова у Марсова поля. — М. В.) и любовалась капустой на огородах там. Словно розаны огромные — никогда таких не видела раньше.

13-го августа. Сегодня работала в Музее. Подготавливала дела по нашему огороду (надо добыть удобрение для подкормки огорода в Девяткино, получить соль для заготовок ботвы и т. д.). Приводила в порядок канцелярские дела. Электричество уже выключили. Мы сварили на буржуйке чудную зелень — первые свои морковки, свеклу, репку, брюкву. Это сверх-вкусно. Я выпила оставшийся сок и напоила Тосю бухгалтера. Нарвала себе зелени на вечер и Н. С. салату. Пишу в темноте. Наносила воды. Поставили самовар в камине кабинета. Купила по дороге консервированное мясо (300 г), половину разогрели на керосинке (последний керосин, выданный по ½ литра по карточке — сжигаем). Надо купить хоть времянку маленькую. Купила „Цитрусовый напиток“ — ½ литра. Розовый,

кисловато-горьковатый. В свекольный салат налила — ничего. Где-то все стреляют. Утром была дымка и стреляли зенитки. <...> Мои заготовки ботвы капусты и турнепса начинают давать плесень. Слишком еще тепло. Не дождусь 15-го, идти к врачам на осмотр для дачи крови 17-го и еще — концерта. Сейчас играют „Симфонические этюды“ Шумана — люблю эту вещь. Красота смотреть с балкона на Кировский проспект. У нас горох дает уже много стручков и порей тянется вовсю. Ничего уже не вижу. На огромном обеденном столе стоит самовар. Сейчас выпью чайку немного, так как уже достаточно жидкости ела» (Л. 17–18).

«18-го августа. В 3 час. 30 мин. поехала в Институт переливания крови. Уже стояла большая очередь во дворе. Пришлось долго ждать на измерение температуры, потом пока вызовут и дадут талон и купон на чай. В очереди читала „Родина зовет“ — есть там очень хорошие рассказы. Хотела написать пару слов тому, кому пойдет кровь моя. Всегда, когда сдаю кровь — чувствую, точно сын это мой (которого когда-то так безумно ждала и так оплакивала, что его не будет). Теперь все бойцы, кому даю кровь — мои сыны любимые. Свою жизненную силу даю им, чтобы могли поправиться и с новой ненавистью бить проклятых немцев — врага нашего лютого. Когда вставили иглу — сразу кровь хлынула волнами. Иди, моя кровь, лейся, давай силы бойцам — громить, поражать, истреблять гадов. Пробыла во всех остальных очередях до 3-х часов. Устала, а в общем не плохо себя чувствую» (Л. 18).

«28-го августа. Работала в Институте И. П.²⁰ К концу дня сюда пришла военфельдшер т. С. — орденосеица, седые волосы, румяное лицо. Глаза — раскосые — пышет жизнерадостностью и здоровьем. Короткая юбка, прекрасные ноги — в очень хороших чулках и белых туфлях на французском каблучке. Гимнастерка, ремни и синий берет. Замечательные вещи она рассказала под стенограмму — свои фронтовые воспоминания.

²⁰ Ленинградский институт истории ВКП(б).

Как несколько раз была ранена. Как 17 девушек должны были отвлечь внимание врага от группы наших бойцов во главе с героем Советского Союза, попавших в окружение. Как девушки подбили 1-й, средний и последний из 9 танков, шедших на них. Как одна вскочила на 2-й танк и бросила внутрь гранату. Как С. лежала раненая в канавке... Как самолеты налетали в группу санитарок, как ее подруге, лежавшей у нее на коленях, оторвало голову, как С. завалило трупами подруг, и спустившийся со стервятника летчик ее не заметил, считая мертвой. Она вся была залита кровью и мозгами убитых девушек и многое еще. <...> Мы слушали. Я задала ряд вопросов. Слезы текли — невозможно было сдержать. Я еще несколько дней ходила под этим впечатлением. Сколько красоты, героических подвигов, а все так просто, такие простые люди их совершают, как естественные дела» (Л. 21).

«31-го августа. После завтрака сразу же пошла в Гор<одское> Управление по выдаче продкарточек. Ответ был благоприятен. Вот-то радость! Теперь я имею право на 1 катег<орию>. Как работник, а не только как донор, и это мне очень кажется хорошим делом. Донором я все равно буду, в этом моя гордость... Пошла от моста Строителей мимо Эрмитажа на площадь Жертв Революции. Эту дорогу по набережной я по делу получения карточек проделала сейчас в эти дни не менее 12-ти раз взад и вперед. По дороге дважды встретила египтолога Н. Д. Ф.²¹ Не видалась свыше 20 лет. Она — в Эрмитаже. Под бомбежки написала 2 книги. Не захотела уехать. Теперь приглашена разработать отдел выставки в Музее Ленина „25 лет работы Музея Эрмитажа“, очень интересно. Хорошо с нею поговорили. Говорила она о том, что войной поставлен вопрос о существовании не только русской, но и вообще — культуры. Говорила, как раньше, в 20-х годах после Октября — не понимала, как это ГИЗ с нее требует написания книжки по Востоку, которую бы читал

для своего самообразования и колхозник, и ученик 3-го класса и еще многие тысячи наших граждан — до ученых включительно. А теперь она поняла, что только так и может писать... Рассказала, как война выявила много прекрасных людей у них в Музее, как и везде... Вечером узнали, что завтра надо уже идти ломать сарай на Пушкинской. Шила еще немного Над. Степ. халат, чтобы идти завтра. Легли немного раньше, прослушали только „Ленинградские известия“. Сегодня сорвали 12 огурцов и Н. С. их замариновала» (Л. 22–23).

Н. А. Энман много пишет о работе «на дровах», одну из записей мы почти полностью приведем ниже.

«3 сентября. С утра отправились после завтрака — на ломку дров. Дали нам сарай в базе для тары. Во дворе бочки, банки, бутылки. При нас начали выносить все это из сарая. На крыше был у них инд<ивидуальный> огород в ящиках. Его спускали по двум доскам вниз. Нас было 9 чел. С собой тележка, лестница, ломы, топоры, пила. Все шло хорошо. К 2-м часам привез какой-то дядя бутылки. С ним сговорились за обед в столовой и 50 руб. денег, что он отвезет к нам в Музей часть наломанных уже досок. Меня послали достать ему обед... Когда пришла обратно, мне уже у входа ребята сообщили, что „одну тетеньку свезли в больницу“ — сразу „под коленками стало кисло“. Думаю, не Над. ли Степ. мою? Оказалось, Марию Максимовну.

Вообще наша инвалидная команда (из 12 чел. только 5 чел. подлежали мобилизации) — потеряла на время одного из сильнейших членов. Они вчетвером стояли на чердачном перекрытии и бабахнули оттуда вниз вместе с настилом. Одна из нас не могла вывернуть балки перекрытия. Мария Максимовна к ней подроспела и всей тяжестью они, очевидно, перетянули плохо прибитый настил. М. М., когда к ней подскочили, оказалась сидящей на двух длинных гвоздях. Ей прошло ягодицу и бедро. Кроме того, поврежден позвоночник, и может быть трещина на кости ноги. Остальные отделались ушибами. М. С. ловко упала, и все бы ничего, но на нее (на голову) скатилось

²¹ Н. Д. Флиттнер (1879–1957), известный историк-востоковед и искусствовед (Памяти Н. Д. Флиттнер, 1959).

2 лома. Но все обошлось. Андреева зашибла ногу и спину. Она от сотрясения совсем раскисла, но хотела еще работать. Еле мы ее сплывили в столовую и домой.

Привезли, кроме воза, еще 2 тележки досок. Кабы не это происшествие, поработали бы мы на славу в составе З. С. М. — 65 л. (сердце), Н. С. — 52 г. (сердце и вены на ногах), Н. Э. — 52 г. (вена на лев<ой> ноге)²², дворник 52 л. — с больными ногами, М. С. Б. — 46 л., диабетик, М. К. А. — научный работник, дистрофик, А. Г. Р. — бухгалтер, 30 лет, ничего девушка, работать может, М. М., тоже могла работать, О. Ф. С. — директор, 35 л. — совсем больная, язва желудка, работала под наши чертыханья и сама огрызаясь. „Вот компания какая“ — как поется в детском фильме. Вернулись часам к 7 — пошел сильный дождь. Придя на пост — поели остатки хлеба, запили чаем и — спать» (Л. 24).

Следующие несколько дней также проходят в работе «на дровах», которые нужно было возить на тележках в Музей и пилить. Возили в обход, через Пушкинскую ул. и сквер на ул. Ленина, так как возить по Кировскому (Каменноостровскому) проспекту было запрещено.

«9 сентября. Снова с 8 утра возим, пилим. Теперь уже твердая норма. 4 воза до 4-х — 5 часов дня возит каждая из 2-х наших пар. Я и Н. С. (105 лет нам вместе) возим очень тяжелые возы на тележке: 3-х метровые доски от пола. И как раз в одном месте в парке, где поврежден асфальт и 2 огромные лужи, как назло здесь всегда встречаются автомашины и очень трудно с ними разминуться» (Л. 25).

«11 сентября. Что-то я немного заболела. Желудок. Ну, ничего, все это — пустяки. Сегодня снова солнце, и это бодрит и радует. <...> Ездили хлопотать о ватных костюмах — пришлось немало походить пешком, что очень жаль, т. к. ноги весьма устали. Приехала после 3-х часов. В трамвае прочла купленную брошюрку: происки фашистской разведки в Ленинграде. Очень хорошая книжка, полезная для многих. Сегодня Маша и З. С.

говорили о приобретении на складе бочек для нас. Вот здорово-то. Устроим квашеную капустку... После 5 час. вечера была на огороде, поймали много гусениц на капусте... Я рада, что мы одолели дровяную кампанию, так нас мало и такие мы слабосильные в общем, а поработали на славу, вкладывая все силы. Ведь эти дрова, это зимнее тепло. Это все — фронт против Гитлера. Проживем эту зиму в пикку ему, постараемся прожить. Единственное темное пятно — Маруся. Она в больнице, и ей нехорошо, а перспективы неважные. Ведь надо было, чтобы так случилось... Вчера купили 1–2 номера журнала „Звезда“ — там много хорошего. Там поэма Тихонова „Киров с нами“. Хорошие стихи Прокофьева и др. Вот снова темнится уже и писать трудно. Сегодня ночью я тяжело спала — верно, после возки дров. Иду на кухню гладить, пока еда греется» (Л. 26об–27).

«17-го сентября. С утра пошла сдавать кровь: это была моя первая годовщина донорства, 12-й раз я сдавала. Во время сидения в очереди написала письмо тому, кому в этот день пойдет моя кровь. Вроде краткого отчета за год. Давно решила это сделать, когда минет год. Письмо нужно было оставить у зав. Донорским отделом. Сказали, что передадут. Сегодня взяли 170 куб. см, % — 70. Рада, что сдала — каждый раз у меня это радостный праздничный день. Ушла на пост раньше, так как не пилили дров. Я немного устала все же за этот день...

18-го сентября. Сперва думали, что будем разбирать сарай, который нам дали дополнительно, но из этого ничего не вышло. Мы пилили дрова, и в Институт²³ не пошли. Вечером сушили овощи, пока не стало темно» (Л. 28об).

«21-го сентября. Работали в Институте. Местные работники тоже ломают дом. Хорошо, что мы это дело кончили. ... Специализировались на сушке ботвы, свеклы и капусты прямо на плите, на сильном жару. Листья остаются совсем зелеными, сперва ломкими, а затем, полежав, размякают. Насушили овощей

²² Здесь автор дневника имела в виду себя.

²³ Ленинградском институте истории ВКП(б).

банку и банку укропа. Спим в совершенно темной комнате. Спичек почти нет, и коптилку зажигаем очень мало. Керосину тоже почти нет» (Л. 28об–29).

В последние дни сентября — начале октября 1942 г. сотрудники Музея собирали выращенные овощи на общественном огороде.

«1-го октября. Снова с утра поехали в Девяткино. Было нас четверо. В 10 час. утра уже убрали с грядок остатки овощей (турнепс, репа, брюква и ботва). Двое пошли в дом, хотели взять наши 3 мешка с корнеплодами, но дом оказался закрытым. Обрато тащили мы с Машей по 2 мешка, все остальные по одному. На станцию пришли вовремя. Был чудный день, и не хотелось нам ехать в город. Деревья золотые, воздух осенний, прозрачный. На Синявинском направлении здорово бахали, все время гудела канонада. В поезде оказалось гораздо свободнее, но мы стояли на площадке... Вечером снова возились с зеленью» (Л. 32).

«2-го октября. С утра пошли в Ин-т. Работала я там не поднимая головы и удалось обработать только 8 газет. Делала надписи для инвентарной книги. Всю ночь на сегодня была слышна канонада и со стороны Балтийского моря. Вечером я позвала Н. С. на балкон. Вечер был теплый, темно. Все небо полыхает от далеких артиллерийских залпов (их не слышно) — проходят машины с затемненными фарами. Слышны голоса редких прохожих. А над всем этим льются чудесные звуки рояля — передают концерт Ляпунова. Наш любимый город, любишь его все больше, любишься им, он становится все роднее. Остались мы тут в нашем городе, хотя два раза могли уехать. Здесь будем помогать его защищать, здесь работать» (Л. 32об).

«21-го октября. С утра отправилась я после завтрака пешком в Институт Истории партии. Чудесна Нева — красавица наша — небо серое, вода свинцовая — ветер рвет одежду — я иду через Кировский красивый мост — дышу глубоко и хочу, хочу, хочу — скорее-скорее бы уничтожить, доканать, убить всю свору проклятых врагов. Собрать все силы, собраться как-то в комок, в кулак —

и начать. И Нева вновь заиграет на солнце, и чудесный наш город — оживет... Не надо об этом думать, сейчас надо сжать свои мечты — как зубы при усилении — и каждую минуту своей жизни и работы — громить врага во всем, что делаешь, как делаешь» (Л. 39об–40).

«23 октября. Работали у себя в Музее... Сперва пилили и кололи дрова для новой печки в библиотеке. Потом ее стопили. Я начала законопачивать окна на зиму (у нас получены очески ваты)... Маша обнаружила потерю своего кошелька, где была хлебная карточка, талоны на обед и завтрак... 7 дней у нее еще. Правда, есть зелень у нее. Надо ей хоть немного хлеба уделять, если согласятся, — проживем, ничего. Я вчера в саду набрала целый мешок крапивы и сушу ее на плите под трубой времянки. Пусть будет больше зелени, может быть, рады будем зимой. Сегодня вечером чистили снова кочерыжки и утром, к завтраку, будем их есть. Пишу, а сама плохо вижу» (Л. 42об).

По выходным устраивали «большую стирку», что по блокадному времени было очень трудоемким делом. Как правило, Н. А. Энман стирала дома, а потом сносила белье во двор, поближе к источнику воды, и там полоскала и синила. Вот одна из ее «зарисовок» выходного дня.

«25-го октября (выходной день). Наносила с утра воды... Стирка продолжалась до 1 час. дня. Затем отправились обедать. Я сварила стволы и кожу от кочерыжек, так как кожа прекрасно промалывается и идет на еду. А стволистые части я засушила. Не знаю, что из них сделать — одни советуют поджарить, как кофе, другие говорят, что это не пойдет. Когда они сохнут на плите, то сильно пахнут капустой. После обеда я потащила белье в рыночной корзине и тазу вниз во двор — полоскать. Захватила с собой большой таз. Устроила себе из какой-то железной „детали“ подставку, поместив ее на трех кирпичках. Получилось неплохо. Руки очень застыли. Тут же пришли другие женщины полоскать белье, другие мыли капустные листья — совсем желтые. Пришел военный мыть огромный кусок гранита, чтобы положить на бочку.

Но плохо вымыл. Сказал, что у него капуста заплесневела и он выбросил около 6 кг. Все ахнули, а когда он ушел, кто-то сказал: „Видно, ему дешево эта капуста досталась“. А ему одна сказала: „Хоть бы бедным дал, мы бы промыли“ (у нее были желтые капустные листья). А он: „Мы все теперь бедные“. Еще один пришел мыть булжники, которые он принес в вязаной сумке. Уже стало темно, когда я кончила полоскать и синить. Так и день прошел. Не успела ничего зашить и заштопать» (Л. 43–43об).

Приближалась 25-я годовщина Октябрьской революции. Н. А. Энман была приглашена на торжественное собрание в Петроградском райкоме партии.

«4 ноября. Маша принесла мне билет на торжественное заседание актива Петр<о>градского Совета (очень красивый билет белый, с золотым тиснением — сохранию на память). К 4-м была уже в Райкоме. Начали в 5 час. вместо 4-х. Замечательно выступал батальонный комиссар с линкора „Октябрьская Революция“ и очень хорошо один герой Советского Союза — истребитель. Пионеры были чудесные. Я ушла и не осталась на концертное отделение, так как не хотела оставлять Н. С. одну в темной квартире на посту. Сегодня была выдача масла, а можно было купить и сыр — мы взяли, и уж такой он вкусный, но хлеба мало. Завтра получу по донорскому пайку и можно будет поесть... Я сегодня из темной фондовой кладовой достала свой костюм хороший и туфли — и оделась на заседание в самое праздничное. Правда, там сидели в пальто, но я рада была, что и под пальто — лучшее одето. Только согрелась, легла, в 9.20 — тревога. Встали, оделись, я начала писать письмо. В 11 ч. 10 м. — отбой воздушной тревоги. <...> Снова легли. Но свет не погасили. И опять тревога в 11. 40 — и по 1 ч. ночи» (Л. 49).

В середине ноября 1942 г. Н. А. Энман было разрешено оставить пост в квартире С. М. Кирова, и она могла вернуться домой. С нею отправилась и Н. С. Судакова. Н. А. Энман не без юмора описала это «великое переселение».

«Сдвинулись к себе домой на Рубинштейна. Нагрузили наш детский

мальпост²⁴ 8-ю пакетами, а 2 вещи Н. С. несла на плече. Я везла коляску с трудом, так как колеса проваливались в снег, и наша прекрасная асфальтовая дорога была ни к чему. Один раз перевернулась коляска. Какой-то мальчик помог поднять. Еще какая-то женщина, стоявшая на трамвайной остановке, сама, с охотой, помогла мне взобраться на Лебяжий мост (я так ее благодарил, ведь это замечательно, настоящая ленинградка). Солнце светило, и я должна была снять теплую шапку и надела берет. На площади Жертв Революции встретили С. И. А.²⁵, он сказал: „Вот чисто современная картина!“ Доехали через час с хвостиком. Какое счастье — дома! <...> Вымыли окна, обмели карнизы, стены, я навесила темные занавески. Сварили себе кашу (рисовую), съели с хлебом, попили чай с шоколадом. В общем — пировали. Соседи рады, что мы вернулись. Сразу же подписались и тут на тот же танк²⁶. Воду взяла у соседей через площадку (у нас не идет) — не надо ходить вниз, и я счастлива. Здесь только 46 ступеней, а там свыше 100 ступеней. <...> Узнали, что за время нашего отсутствия (с конца июня) — тут умерло двое знакомых в нашем доме. <...> Сейчас по радио такие вести, что радуется душа и верится в недолгий конец войны (лучше об этом не думать!). Сейчас читают стихи В. Инбер, „Пулковский меридиан“ и др. Хорошо. Люблю хорошие стихи» (Л. 56).

Вскоре пришло известие о начале наступления под Сталинградом. Вот как вспоминает этот день Н. А. Энман.

«22 ноября 42 г. Сегодня Н. С. ходила на рынок искать табачку. Нашла 25 папирос, дорого, за хлеб. Ну, как-нибудь обернемся. Сейчас сказали по радио радостную весть о начале

²⁴ То есть детскую коляску, которой Н. А. Энман пользовалась для перевозки тяжелых вещей. Верный мальпост часто упоминается в дневнике.

²⁵ Вероятно, С. И. Авакумова, директора Музея С. М. Кирова в 1938–1941 гг., позже он заведовал Ленинградским институтом истории ВКП(б).

²⁶ Как и многие ленинградцы, Н. А. Энман передавала средства на военные цели. В дневнике несколько раз упоминается танк, а также самолет «Ленинградский донор», на который она передала деньги, следовавшие ей за сдачу крови (Л. 91об).

наступления в р-не Сталинграда. Мы целовались, такая радость! Я побежала к нашим друзьям — соседям по квартире — мать и дочь лежали уже в постели и слушали радио. Мать говорит: „У меня сердце так заболело, что мне кажется, я умираю“. А мы говорим — живите! „Я, — говорит, наверное, умру в день победы“. А я говорю — живите! Все повторяют об этом наступлении — и звучит это по всему СССР, по всему миру, по странам... Наступают решительные дни... На улице — дивная ночь. Луна светит во все лопатки. 2 градуса мороза. Сейчас начали стрелять — не понять, обстрел или что-то другое. Гады, кажется, ведут обстрел. Ярится враг. Наступают решительные времена. Ночью была тревога. Недолго. Я встала и оделась. Н. С. лежала» (Л. 62).

С началом зимы Н. А. Энман, как и другие сотрудники Музея, была мобилизована на уборку снега в помощь дворникам, которые не справлялись с работой. Начали иногда давать свет, но на короткое время.

«21 декабря 42 г. Вот и кончился праздник — света уже нет. В общем, досада и злость во мне. Безобразия и халатность во всем хозяйстве по нашему дому. Сидим теперь во тьме. <...> Снег тяжелый и трудный. Дворники с утра ничего не убрали. Мы теперь и трамвайные пути должны чистить. Сегодня худой день. Узнала, что, кажется, в нашей столовой больше не будет того питания для нас, которое было. Тогда я не знаю, как мы будем жить и свой снег убирать. Н. С. худеет с каждым днем. Я ее не могу больше обеспечить 1-ю категорию, т. к. она не будет, вероятно, работать в Институте истории партии сейчас, так как ей очень трудно ходить пешком. Ну, нечего скулить, может быть, еще и все-то в столовой останется по-старому. Скорее за работу» (Л. 77об.).

После возвращения домой Н. А. Энман посетила семью художника В. А. Зверева²⁷, умершего в блокадном городе.

²⁷ В. А. Зверев сотрудничал с Музеем С. М. Кирова, ему принадлежат портрет С. М. Кирова и несколько рисунков, изображающих этого государственного деятеля, созданных в 1930-х гг. С 1906 г. он учился в Академии художеств в студии Д. Н. Кардовского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Зверев_Василий_Александрович (дата обращения: 04.05.2020).

«23 декабря 42 г. ... Пошла с ул. Р. Люксембург (Введенской. — М. В.) на пл. Льва Толстого, но по пути зашла по просьбе нашего бухгалтера в квартиру худ. Зверева, умершего в мае этого года. Присидела у его жены около 2-х часов, слушая ее скорбный рассказ о болезни и смерти этого замечательного художника... Ему не удалось эвакуироваться, пока он был еще здоров. С сентября по декабрь 1941 г. во время бомбежек старик дежурил по 12 часов на чердаке, с мужеством и стойкостью бойца-ленинградца. Но у него не было теплой одежды, он простудился. В начале декабря заболел. Ему жена хлопотала 1-ю категорию продовольственной карточки. Не удалось, в ЛОСХ²⁸ отнеслись бездушно. В январе-феврале и в начале марта лежал в стационаре в „Астории“. Там получил 1 категорию. Оттуда вышел слабый. Можно было уехать, но не смог, а ЛОСХ не устроил ему помощи по эвакуации. Получил ученый паек. К 1-му апреля был получен подарок художникам, но ЛОСХ не довел до сведения и только случайно, около 17 апреля они узнали, что есть прод<овольственный> подарок. Время было упущено. С начала апреля жена и дочь поступили работать в военную организацию, чтобы давать ему паек. Их не было с 7 утра до 7 вечера. Он был один, но начал к концу апреля поправляться и даже писал. Чудный неоконченный портрет Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.) — это его работа тех дней. В первые дни мая получили в ЛОСХ соевое молоко. Съел кашу с ним и заболел дизентерией — больше не вставал. 5 мая скончался. Жена пошла в ЛОСХ просить помощь для похорон. Прислали писателя Быльева — он организовал доставку на кладбище (место выхлопотал комитет по делам искусств) — но за это вынудил жену отдать ему хлеб, продкарточку Зверева и др. Из художников никто не пришел проводить его тело на кладбище. Обо всем этом никто из нас в Музее не знал. Мы бы пришли к ним не раз. Думали, что Зверевы уехали, а они думали, что мы все эвакуировались. Так получается. Горько и больно. Хочу

²⁸ Ленинградское отделение Союза художников.

теперь помочь жене. Она работает в совхозе, сейчас возит туда из города золу» (Л. 78–79).

В декабре опять пришло время работать «на дровах», заниматься их распилкой во дворе Музея и ездить за дровами на окраину города.

«28 декабря 42 г. Шли пешком. Скользко и темно, кое-где тает. Узнали, что сегодня с дровами ничего не будет. Готовила материал по карточкам. Пока было темно — пилили дрова. <...> После обеда пошла со всеми документами за карточками и пробыла там до 6 час. 30 мин. Н. С. ушла домой одна. Я вышла из Бюро, решив забрать все карточки домой, чтобы их надписать. Было темно. Долго ждала трамвая. Пришлось идти в полной темноте и дорога жутко скользкая. Дошла хорошо, но очень долго шла. Н. С. отказали в 1 категории. Я зла. Неужели мы не выхлопочем? Вечером света у нас не было. Я в темноте с коптилкой сидела до 11 час. — сделала 130 надписей на карточках и учетных листках (это для 12 человек). Завтра в 8 час. 40 мин. мне надо быть у Райкома — поедем на машине за дровами» (Л. 81об).

С празднованием Нового года обычно связывают светлые, радостные надежды на будущее. И в блокадном городе ждали новогоднего праздника, готовились к нему, кто как мог. Приближение нового, 1943 г., чувствуется и в записях Н. А. Энман, относящихся к последним числам декабря.

«29 декабря 42 г. Нам не дали машины. Мы ждали в РК. Узнав, что не поедем, мы с бухгалтером по дороге в Музей зашли в парикмахерскую и постриглись. Несколько раз я заходила по городу и не могла постричься, все очереди. Днем ходила к Марии Максимовне в больницу. Она — молодцом, поправляется. Провожала меня на лестнице. Ходила в магазин, сегодня получили шоколад, кофе, пиво. Раздавала всем карточки, подготовила отчет в Уч<етное> Бюро, который завтра отнесу. Домой шла с мешком за спиной, где лежали дрова, портфель Н. С., покупки. В руках я несла сумку с двумя литровками пива и банкой квашеной свеклы... Сегодня вечером и вчера ночью здорово стреляли, а около 7 час. вечера была ВТ (то есть воздушная тревога. — М. В.)

около 40 минут. Прекрасно выступала по радио О. Бергольц... Завтра объявлена икра вместо сельдей или сельди (50 % икры). Белый хлеб на талоны 1-го получим — тоже очень замечательно. А сегодня получили шпиг вместо масла полным весом. Публика ждала водки и вина. Пока объявлены выдачи на 30-е и ничего такого нет... Проживем и встретим Новый год и без выпивки — все равно вести хорошие и на сердце — радость, и новый год на этот раз — совсем другой, чем в прошлом году. Прекрасные стихи к новому году читала Бергольц. Дровяные дела отложены до после нового года, и на душе полегче. Там видно будет. Завтра-послезавтра решится все со столовой и для нас, и для нашего обслуживающего персонала. Снова ВТ в 20 ч. 10 м. до 23 ч. 12 м. Читают запись последних известий — третья ВТ с 24 ч. по 2 ч. Читали «В последний час» о взятии нами Котельниково. Четвертая ВТ в 3 ч. 50 м. Пятая тревога была уже утром около 6 ч. 30 мин. по 7 час. 20 м.» (Л. 81об–82).

«31 декабря 42 г. Сегодня рано утром я была уже в своем донорском магазине, дополучала там сельди вместо мяса... Сегодня был опять тормозной день. С фонарем я уже сидела и составляла отчет и акт к нему по раздаче карточек. Н. С. в это время ушла в магазин за икрой, рисом, мылом и порошком. Я сдала отчет, потом пошла исследовать магазин на углу Мичуринской, куда нам советуют сейчас прикрепиться, так как в нашем магазине очень много народу теперь... Вечером слушали радио. Было прекрасное выступление В. Вишневского, а сейчас, уже в 23 ч. 40 м. объявили о выступлении по радио М. И. Калинина. А до того были переданы итоги разгрома немцев под Сталинградом — совинформбюро. Даже слезы брызнули — так это звучало гордо и торжественно на весь мир... Проходит этот год, когда мы боролись не на жизнь, а на смерть с ненавистным врагом. Боролись каждый на своем посту, каждый в своем организме даже, в каждом своем мускуле, в каждой мысли — только бы не сдать Гитлеру, не ослабеть, не сдрейфить, только бы работать и жить, жить — в наше незабываемое время... Вот Надежда Степановна уже взбалтывает пиво. Его мы будем

пить в Новый год. А он уже близок „наступающий“ как сказали по радио — Новый год. Он отмечен наступлением и пойдет под этим победным стягом — к победе... Н. С. зажигает керосиновую лампу, чтобы было светло... Сейчас... Мы подняли стопки с пенным пивом и выпили — за нашего полководца, за наше верховное командование, за нашего отца и друга т. Сталина. Выпили за всех бойцов нашей Красной Армии. Вот выступает т. Попков²⁹. Он прошел нелегкий путь в этом году и с честью вел наш город через все трудности блокады. Здравствуй, Новый год — мы ждем от тебя многого. Мы ждем от тебя — полного разгрома фашистской гадины» (Л. 83–84).

«1 янв. 43 г. Легли в 2 ч. 10 м. утра. Спала до 6 час. Слушала известия. В 9 час. встала — все пролежала, слушая радио. Прибрала комнату. Сходила за хлебом. В 12 ч. начала оформлять газету для подшефного Института (травматологии. — М. В.). Кончила, когда стемнело — около 5 час. За газетой пришла медсестра. Я рада, что сделала эту работу. Это — моя военная работа наряду с донорством. Потом буквально дохла от безделья — в темноте с копилкой. Начала приводить в порядок вещи в чемодане, подшивать воротничок к вязанке — буквально от нечего делать... Сейчас 22 час. 30 м. — придется лечь и снова слушать радио. Так прошел выходной день... Сегодня передали еще один новогодний подарок: Красная Армия взяла Великие Луки» (Л. 84).

В первый день на службе в Музее в наступившем году Н. А. Энман с удовольствием вспоминала прошедший новогодний праздник, отметив, что он был веселее, чем год назад.

«2 янв. 43 г. Сегодня за завтраком поздравлялись с М. С., потом с О. Ф. ... Сегодня у О. Ф. сидели и пересмотрели все по картам, где идут бои. <...> Хочу записать по памяти, чем мы (в смысле угощения) встречали этот Новый год. В прошлом году у нас было пиво и

по плитке шоколада, и мы ели черный хлеб. В этом году у нас было пиво, икра кетовая (вместо мяса), селедки, которые мы замариновали. О. Ф. нам подарила на новый год луковицу, и ее туда же нарезали. Потом мы в столовой к концу дня купили белый хлеб (накануне, по талонам на 1-е января). До этого мы весь день экономили черный хлеб, полученный еще 30.12. Потом у нас были остатки московской горькой, настоящей на рябине, — ее тоже выпили по рюмочке. Соседи нам преподнесли подарок: по кусочку американского свиного фаршу, копченой селедки 2 кусочка, 2 вареной картошки и немного чудесной белой квашеной капусты. А мы их угостили икрой.

Прошлый Новый год мы встречали в квартире на Кировском пр. на казарменном положении. Мы жили в ванной комнате и ели на умывальнике, на который был положен лист фанеры, покрытый клеенкой. Тогда я впервые получила донорский паек. Помню, какое удивительное зрелище было: 2 кило черного хлеба, на столе — мясной бульон, масло, лапша, конфеты „бим-бом“, сахар-рафинад — никогда я не забуду этого великолепия... Всего понемногу, но все — невиданное.

Тогда ведь по карточкам нам многое не досталось в магазине. Днями и вечерами мы выстаивали в очереди за маслом, за кондитерскими изделиями, но так и не получили, много талонов осталось на декабрьской, январской карточках. Трудно было в нашем заблокированном городе — если вспомнить эти тяжкие дни — как хорошо мы живем теперь. Теперь только бы Надежда Степановна подправилась и не худела так. Но талоны в столовую — получены, „путевка в жизнь“, как мы их зовем, и я спокойно сплю, а то одно время очень трепыхалась — а вдруг что-нибудь изменится, и мы не получим этого питания. Теперь скорее бы прошел день по перевозке 25 кубометров дров для Музея, тогда все страхи (из-за Над. Степановны) — минуют. Хорошо бы, чтобы этот день был до сдачи мною крови, а то иногда наши авралы случаются на 3-й, 4-й дни после сдачи, и это не очень хорошо для меня получается. Ну ладно, все это мелочи. На фронтах дела прекрасно идут — и сердце верит крепко, что

²⁹ П. С. Попков — Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В 1946–1949 гг. был 1-м секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Один из главных фигурантов так называемого «Ленинградского дела» (Беглова и др., 1992. С. 504–505).

не так уж долго ждать праздника на нашей улице. Меня беспокоит то, что работа по газетам опять заглохла...» (Л. 84–85).

В дневнике все чаще появляются сообщения об освобожденных городах.

«3 янв. 43 г. Снова день пролетел, как стрела. С утра, пока было темно, пилили дрова... После обеда ко мне пришла медсестра из Института Травматологии и принесла мне торжественное письмо от парт<ийной> и проф<союзной> организаций Ин-та и новогодний подарок — за работу над оформлением стенгазеты — немного изюму и булки. Мне было очень не по себе — еще сказала она, что от души меня, мол, благодарят, а все же — ведь это моя оборонная работа. Я уже решила, как поступить с этой премией — угощу всех.

Завтра настанет трудный день — ехать перевозить дрова. Сколько их перевезем — неизвестно, а получим 25 к/б метров для Музея... Сегодня ночью радио сообщило о взятии нами Моздока» (Л. 86).

Хочется, конечно же, привести здесь отрывок, описывающий день прорыва блокады, события, памятного для всех ленинградцев.

«18 января 1943 г. Сегодня я зря съездила в далекое путешествие на Охту. <...> У нас сегодня зажгли свет... Это мы узнали только вернувшись домой из кино, куда я взяла билеты на 7 час. Фильм „Секретарь райкома“. Прекрасная картина — ни на минуту не отпускает, держит все внимание — чудесно играют. Огромная сила партизанского движения, сила народа показана прекрасно. На улице было не темно (луна в облаках) — шли из кино и все мерещился тот предатель, который там в фильме был среди партизан... Есть они, среди нас ходят по городу... 23 часа. Сейчас говорят по радио — о прорыве блокады Ленинграда! Не могу писать. Заняли Шлиссельбург... Войска Волховского и Синявинского фронта соединились и прорвали блокаду Ленинграда. Слезы текут, черт возьми, — не могу... Родные — неужели правда! Неужели же — правда? Это было сегодня, 18-го января. Сейчас бегала в соседнюю квартиру, хотела позвонить по телефону нашим в Музей, но там телефон как раз не работает...

Спасибо вам, защитники нашего славного города, вечная слава вам, кто пал героически и кто уже не переживет этого дня. Вот уже 1 час ночи, и радио все ликует. Выступал ленинградский рабочий, О. Бергольц, В. Серов (в дневнике нечетко — возможно, В. Серова? — М. В.). Как наши дикторы читали, с каким выражением! Сейчас вернулся Ваня, наш сосед, милиционер — в коридоре поздравлялись с ним. В 2 ч. ночи у нас внезапно прекратилось радио (а передача шла до 6 часа утра) — я ментально заснула.

19 янв. 43 г. Проснулась в 6 час. — сразу же вспомнила вчерашнюю радость и заликовало сердце... Шли в темноте — народ тихо идет на работу, играет музыка. Город настороженно затемнен. Блокада прорвана, но враг близко, и город молчит... Я с С. М. С. украшали нашу ограду красными флагами. Сегодня на нашей улице праздник. Никогда я не забуду, как мы эти флаги втыкали. Ходил тут же милиционер и весело мы с ним обменивались радостью. Наши в Музее вчера совсем обалдели от радости, узнав новости с фронта. Сегодня митинг у нас утром... Читают замечательную корреспонденцию о битве, о наступлении на Ладоге. Какая-то женщина на улице сказала мне, как она пережила вчера радость, но вместе с тем ее муж вчера ушел на фронт, и это она тревожно вспоминает» (Л. 94–95).

«23 янв. 43 г. ... Когда пришла домой около 8 вечера, уже у дома началась тревога. Сейчас уже около 22 часов, а ВТ все еще длится. Сегодня, когда убрали мы снег, вышло солнце. Было замечательно красиво. Небо синее, тополя в нем горой. По эфиру разносился „Онегин“ — сцена письма, тут же грохотали залпы где-то под городом. Я думала, вот бьются там наши и частично бьются за то, чтобы эти звуки <музыки> Чайковского могли звучать и впредь в нашем городе. Наши люди там героически сражаются и умирают, а мы тут чистим наши улицы, чтобы был в городе порядок. Не забыть это утро. Снег белый, сверкает, даже в воздухе искры горят. Вдруг с двух равных сторон от солнца появились спектры — куски радуги — от них белые лучи — прожекторы, и по ним двигаются какие-то тени. Что это было — не знаем. Ловили может быть

разведчика. А небо было исполосовано белыми завесами. Любимый наш город. Устала я на снегу очень, но как приятно работать по уборке нашей улицы, нашего города! Сдвигаешь снег валом у тротуара и думаешь: надо бы сделать проходы, а то людям неудобно будет ходить. Сделаешь проход, а пешеходы уже по нему идут на тротуар, и как здорово приятно, что это я сделала удобный ход для граждан нашего города...» (Л. 97).

Дальнейшие записи 1943 г. отражают те же реалии жизни — работу в Музее, возделывание огородов, бытовые эпизоды. По-прежнему подробно описаны блокадные «блюда», поддерживающие силы.

«28 августа 43 г. ... Если бы не огород, мы бы пропали... Я научилась есть салат из ботвы свеклы (это уже в прошлом году), турнепса, брюквы, репы, тыквы, репы, редиса — это меня спасает. А Н. С. не может сырого есть — она варит супы на утро и на вечер из корнеплодов с добавкой отварных черенков листьев. Я нарежу себе зеленой ботвы и залью ее жижей от супа, посолю и ем без ничего (конечно, с хлебом!), а когда этим подзаложусь — беру немного отварных овощей, кладу в них зел<еную> муку и ем в виде десерта — уж очень это вкусно. А Н. С. ест только вареные овощи» (Л. 331об).

Хочется завершить приведенные здесь выдержки из блокадного дневника Н. А. Энман описанием ноябрьских праздников 1943 г.

«7 ноября. Сегодня праздник. Утром я рано встала и пошла за хлебом. Это оказалось нелегко. Вчера распродали белый хлеб, а нового не подвезли. Но, кроме того, у нас талоны 8 ноября, а на них не дают белого хлеба с изюмом. А мы один раз решили купить галеты и таким образом переключались на карточку следующего дня, и с тех пор никак не можем выправиться на тот же день. Я потомшила. Варили щи кислые из своей капусты с грибами — очень вкусно получилось. Я сидела в саду и чистила корешки — стволы брюквы... Отварила их вечером и смолола. Около 4 час. явилась хозяйка и пригласила на встречу праздника в складчину. Около 5 ч. собрались все, кто с чем — кто с водкой, с пивом, с закуской и т. д., а хозяйка всех

перещеголяла: устроили какой-то замечательный винегрет, что прямо объеденье... Маша даже плитку шоколада „поставила“, но его никто не ел и ей отдали обратно. А О. Ф. насугостила замечательными конфетами „Грильяж“ — на бумажке белка золотая. Потом мы танцевали под патефон. В голове немного кружилось, ведь каждая пара выставила по ½ водки (настойка на сухом чаю с сахаром). Но ни с кем ничего не случилось, а было только весело и тосты мы не скупилась произносить. Разошлись в 10-м часу. О. Ф. и М. дежурили. Это не очень сладко» (Л. 354).

«9 ноября. Утром вышла, еще было темно, небо ясное, заря, и чудные, ярчайшие звезды — на небе горят как бриллианты. Обошла весь участок, все в порядке. Я еще начала снимать флаги на углу Куйбышева ул. — мимо шел какой-то полк с оркестром, ехали телеги, на них — зенитки. Шли бойцы в шлемах, шинелях. Один мне говорит: „Тут прошел праздник-то?“ А я ему: „Прошел тут, а будут новые праздники“. И подумала, придет день и может быть я буду еще жива и буду развешивать флаги в день освобождения города от немецкого окружения. Помню, как в морозный день мы с Машей вставляли красные флаги в честь прорыва блокады. Все шли мимо и улыбались... Сегодня бесы ведут обстрел города где-то... Лягу раньше, может быть и дадут гады поспать?» (Л. 354об.).

Наталия Александровна Энман пережила блокаду и, вероятно, как и мечтала, украшала Музей в честь празднования полного освобождения города. В 1943 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1946 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-3. Л. 8об).

После войны вплоть до выхода на пенсию Н. А. Энман продолжала работать в Музее С. М. Кирова в должности старшего научного сотрудника, заведующей фондами. В последние годы жизни, оставив службу, она на договорных началах занималась разработкой рисунков для вышивки. Скончалась Н. А. Энман в 1961 г. Упав на улице, она сломала ногу и была доставлена в больницу, из которой уже не вышла (Руднева, 2007. С. 517).

- Авакумов, Сергей Иосифович. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/s_i_avvakumov (дата обращения: 29.04.2020).
- Беглова и др., 1992 — Беглова Л. Н., Булдаков Г. Н., Дегтярев А. Я. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник. М.: Изд-во Большая Российская Энциклопедия, 1992. 698 с.
- Брокгауз, Ефрон, 1904 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энман (Александр Федорович) // Энциклопедический словарь. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1904. Т. 80. С. 846–847.
- Вахтина, 2019 — Вахтина М. Ю. Класс Энман. О Наталии Александровне Энман // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы междунар. науч. конф. XX Боспорские чтения / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 101–115.
- Зверев Василий Александрович. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Зверев_Василий_Александрович (дата обращения: 04.05.2020).
- Ильина, 2005 — Ильина Ю. И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / Ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. Т. 1. С. 70–173.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 773. 1922. Энман Наталья Александровна.
- Памяти Н. Д. Флиттнер, 1959 — Памяти Н. Д. Флиттнер // ВДИ. 1959. № 4 (70). С. 158–159.
- Ростовцев, 1903 — Ростовцев М. И. А. Ф. Энман (некролог) // ЖМНП. 1903. Ч. CCCL. 11 (ноябрь). С. 84–87.
- Руднева, 1912 — Руднева С. Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45. С. 104–110.
- Руднева, 2007 — Руднева С. Д. Воспоминания счастливого человека. Степанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Авт.-сост. А. А. Кац. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. 856 с.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 682: Энман А. Ф.
- Сухарникова, 2012 — Сухарникова Т. А. Мемориальная квартира «Музей С. М. Кирова». Каменноостровский проспект, дом 26–28. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2012. 28 с.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396: Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н. А. Энман; Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-1: Парторганизация Музея С. М. Кирова. О приеме кандидата партии т. Энман Н. А. в члены ВКП(б); Д. 248964-2: Парторганизация Музея им. С. М. Кирова. О приеме Энман Н. А. в кандидаты ВКП(б); Д. 248964-3: Энман Наталия Александровна.
- Энман, 1911 — Энман Н. А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 40. С. 142–158.
- Энман, 1912 — Энман Н. А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45. С. 92–103.
- Энман, Наталия Александровна. [Электронный ресурс]. URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title_Энман (дата обращения: 25.04.2020).
- Cook, 1952 — Cook R. M. A List of Klazomenian Pottery // BSA. 1952. Vol. 47. P. 123–152.